

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ ВЕРХНЕУДИНСКОЙ ТАТАРСКОЙ МЕЧЕТИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

*Работа представлена отделом истории, этнологии и социологии
Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
Научный руководитель – доктор исторических наук, доцент Л. В. Кальмина*

Статья представляет собой первую в Сибири попытку анализа метрических книг мусульманской общины. Используя этот ценный источник, автор реконструирует историю повседневности мусульманской диаспоры провинциального сибирского города: прослеживает процесс «натурализации» членов общины от «поражения в правах» до приобретения статуса гражданина, определяет сословную структуру общины, дает ее демографические характеристики, восстанавливает исторический облик мусульманской семьи. Статья полностью построена на архивном материале, впервые введенном автором в научный оборот.

***Ключевые слова:** мусульмане, мечеть, Верхнеудинск, диаспора, община.*

V. Perinov

METRIC REGISTERS OF THE TATAR MOSQUE OF VERKHNEUDINSK AS A HISTORICAL SOURCE

The article is the first attempt in Siberia to analyse metric registers of the Moslem community. Basing on this valuable source, the author reconstructs the history of every-

day life of the Moslem diaspora in the small Siberian town, describes the process of community members' adaptation from the "civil death" to the attainment of the civil status, studies the social structure of the community, its demographyc image, restores the historic nature of a Moslem family. The article is completely based on the archive material being introduced by the author into scientific circulation for the first time.

Key words: Moslems, mosque, Verkhneudinsk, diaspora, community.

Метрические книги мусульман в сибирском регионе еще не становились предметом специального исследования. Между тем метрические записи, которые велись духовенством и жестко привязывали человека к определенной конфессии, служили основным средством регистрации личности в императорской России, обеспечивая основы гражданского статуса – для защиты личной собственности и прав наследования, официального признания браков и детей и требования привилегий, соответствующих сословному статусу [23, с. 216]. Книги по установленной Министерством внутренних дел форме в двух экземплярах присылались в мусульманские общины Сибири Оренбургским Духовным Собранием, в ведении которого находились последние. После заполнения один экземпляр оставался в мечети, другой через ближайшее уездное полицейское управление отправлялся в Оренбургское Духовное Собрание [21, ст. 906, 909]. С введением всеобщей воинской повинности в 1874 г., когда метрические книги стали главным фискальным документом для определения статистики призыва, государство стало добиваться единообразия записей, а к священнослужителям, независимо от вероисповедания, предъявлялись требования обязательного знания русского языка. Духовные наставники общин стремились к максимальной точности записей, тем более что их тщательность могла быть проверена городской управой, удостоверявшей «сходность во всем с общей метрической книгой».

Коллекция метрических книг Верхнеудинской татарской мечети, впервые введенная нами в научный оборот, небольшая: первые записи датируются 1909 г. (до этого мульты в городе не было), последние – 1919 г. Книги велись на татарском языке с последующим переводом на русский. Татарский

вариант не сохранился, русский – в отличном состоянии, записи четкие и хорошо прочтываются.

Книги структурированы по хронологическому принципу: каждая содержит записи о рождении, браке и смерти за год или несколько лет, некоторые – и о расторжении брака. Записи о рождении содержат следующие графы: «порядковый номер» (отдельно для мальчиков и девочек), «фамилия и имя» (родившегося ребенка), «пол», «время рождения», «место рождения», «фамилии и имена родителей», «происхождение родителей», «особые отметки» (записи о выдаче свидетельств, удостоверений, отметка о рождении близнецов и т. д.). В этот же раздел записывали обращенных в ислам, хотя за все указанное время зафиксирован только один такой факт [17, л. 3]. Имеются в книгах и записи об усыновлении [16, л. 1; 18, л. 3]. Шнуровые книги о смерти содержали в себе графы: «фамилия и имя», «пол», «время», «место смерти», «национальность», «возраст», «семейное положение», «причина смерти». Записи о браках заносились в следующие графы: «№№», «фамилия после брака», «фамилия до брака» жениха и невесты, «пол», «время» (регистрации), «возраст», «какой по счету брак», «национальность», «происхождение вступающих в брак», «подписи брачующихся», «подписи» (свидетелей). В записях о разводах указывались «фамилия после прекращения брака», «сведения о лицах, прекращающих брак» (эта графа делилась на два столбца «он» и «она»), «время рождения или возраст», «время прекращения брака», «в каком по счету браке состоят», «число детей от прекращения брака», «имена детей», «возраст детей», «причины прекращения брака», «национальность», «социальное положение», «особые отметки», «подписи» – здесь расписывались бывшие супруги и их свидетели.

Итоговые цифры по каждому году не подво-
дильсь. Записи в книгах не скреплены под-
писью и печатью муллы, не указаны его имя
и фамилия, имеется только роспись перево-
дчика. Поэтому, если за исследуемое десяти-
летие священнослужитель в мечети и менял-
ся, в метрических книгах упоминаний об
этом нет.

Конечно, книги не могут дать полного
представления о мусульманской городской
общине, поскольку охватывают слишком ко-
роткий временной промежуток и содержат
записи только о тех, кто в указанный период
изменил свою демографическую характери-
стику: вступил в брак, родил ребенка, развел-
ся или умер. К тому же книги велись (по
крайней мере, в их русском варианте) до-
вольно небрежно: в ряде записей о рождении
отсутствует место поселения и сословие (оно
заменено родом занятий или даже этниче-
ской принадлежностью), в записях о браке не
всегда указывается, какой по счету брак и
т. д. Однако с учетом даже этих недостатков
из метрических книг можно извлечь массу
информации.

Прежде всего это замечательный статисти-
ческий источник. Исследователи считают,
что в ряде случаев данные церковного учета
оказывались даже точнее ревизского. Для не-
которых категорий населения ревизский учет
был сопряжен с опасностью выселения из
мест, недозволённых для проживания, или
обложения подушной податью, так что офи-
циальные перечни «наличного населения»
недосчитывали многих плательщиков пода-
тей. Запись в метрической книге не влекла за
собой никакого финансового ущерба, так что
скрывать от учета не было смысла [3, с. 83].
Напротив, брак, не освященный церковью,
или отсутствие записи о крещении ребенка в
будущем могли осложнить наследственные
дела или прием в учебное заведение, поэтому
прихожане стремились к официальной реги-
страции. Помимо этого книги обладают уни-
кальным информационным ресурсом, кото-
рый невозможно извлечь из других источни-
ков. За каждой строкой стоит конкретный
человек со своей биографией, семейным по-
ложением и родом занятий, поэтому даже по

краткосрочным записям можно проследить
качественное изменение мусульманской об-
щины, получить некоторое представление о
сословно-имущественном положении ее чле-
нов, о происходящих в ней демографических
процессах, особенностях семейного быта.

В метрических записях родившихся му-
сульман национальность не указывалась, но
в книгах о смерти и бракосочетаниях ее
фиксировали. Частота записей о татарах по-
зволяет с уверенностью говорить о преобла-
дании татарского компонента среди му-
сульман Верхнеудинска. Это подтверждает-
ся и данными однодневной переписи 7 ок-
тября 1907 г., где наряду с конфессиональ-
ной принадлежностью указывалась нацио-
нальная: татары составили 91,2% мусульман-
ской диаспоры города [7, л. 51].

Хотя абсолютные цифры рождаемости в
мусульманской общине за исследуемое деся-
тилетие невелики (см. табл.), с учетом общей
численности диаспоры можно говорить об
исключительно высоком коэффициенте рож-
даемости по сравнению с другими общинами
и населением Верхнеудинска в целом. В ча-
стности, в 1912 г. (обычный среднестатисти-
ческий год) коэффициент рождаемости в му-
сульманской общине составил 95,1 (в целом
по г. Верхнеудинску – 61,2)* [11, л. 1-10; 9,
л. 85].

Таблица

**Естественное движение мусульманского
населения г. Верхнеудинска (1909–1919 гг.)**

Год	Родилось		Умерло		Естест- венный прирост
	М	Ж	М	Ж	
1909	18	17	8	9	18
1910	9	6	10	2	3
1911	12	14	6	6	14
1912	26	13	17	5	17
1913	24	16	15	5	20
1914	22	26	11	1	36
1915	18	19	64	3	-30
1916	13	21	125	7	-98
1917	16	9	20	7	-1
1918	20	12	15	4	15
1919	15	14	18	7	4

У большинства новорожденных в качестве места рождения указан г. Верхнеудинск, у остальных – окрестные селения и железнодорожные станции Бада, Заиграево, Байкал, Нижнеудинск, Тарбагатай и др. Регистрировали их в городе, поскольку на территории Западного Забайкалья (нынешней Республики Бурятия) в исследуемый период была всего одна мечеть. Из-за отдаленности проживания родившихся детей регистрировали не сразу, а по приезду родителей в Верхнеудинск по делам. Это могло произойти через несколько месяцев, спустя год или даже несколько лет. Например, верхнеудинский купец Хамидулла Фатхуллин в метрическую книгу о рождениях за 1915 г. записал четверых детей, родившихся в 1887–1894 гг. [14, л. 1–3]. Поэтому фактическое число рождений не всегда совпадает с числом записей в метрических книгах.

Смертность среди мусульман была довольно высока, особенно женщин при родах и детей до 3 лет. Объясняется это низким уровнем медицинской помощи и особенностью менталитета мусульман, не позволявшего женщине показываться постороннему мужчине (врачами в основном были мужчины). После 3 лет детская смертность резко падала. В 1912 г. коэффициент смертности составил 53,7 – значительно выше, чем в среднем по городу (40,2) [11, л. 1–10; 9, л. 85]. К тому же метрические книги, четко фиксируя рождения, допускали большой недоучет смертных случаев: не всегда священнослужитель мог поспеть к умирающему, и того хоронили без регистрации. Так что фактическая смертность могла быть и выше. Этим, а также отменой с 1900 г. массовой ссылки в Сибирь, которая в XIX в. была основным источником пополнения мусульманской диаспоры Забайкалья [20, с. 55], можно объяснить сравнительно медленный рост мусульманского населения: с 1896 по 1911 г. в целом по области процент его увеличился лишь с 0,3 до 0,47 [6, с. 186].

Перед Первой мировой войной наблюдался стабильный естественный прирост мусульманского населения, который достиг пика в 1914 г., но уже в следующем году мы

видим отрицательную статистику. Это связано с высокой смертностью турецких военнопленных, которые содержались в лагере на Нижней Березовке в окрестностях Верхнеудинска. Причиной смерти большинства из них стало воспаление легких, умирали также от туберкулеза и инфекций. Среди умерших лишь 2,8% достигли 61 года, только трое – максимального возраста в 77 лет. [13, л. 13; 15, л. 13; 10, л. 11]. В целом продолжительность жизни членов общины была невелика.

За время с 1909 по 1919 г. было заключено 69 браков, наибольшее их количество зарегистрировано в 1915 г. Число браков с начала ведения метрических книг до 1917 г. почти все время росло – очевидно, с ростом числа мусульманских женщин, хотя «исключительно ненормальный половой состав в сторону большого преобладания мужчин над женщинами» [22, с. 100] сохранялся: на 3 мужчин приходилась лишь 1 женщина [19, с. 3, 60, 61], что было вполне естественным для колонизируемого региона. Имеются записи о повторных браках, их число у мужчин и женщин было практически одинаковым.

Подавляющее большинство браков были мононациональными, зафиксированы лишь 3 брака с представителями иной этнической группы, [12, л. 6; 18, л. 5], в частности татарина с русской, которая приняла ислам. Имеется запись о браке с подданным Турции [18, л. 6]. В вопросах заключения брака главным было единство веры. В других конфессиональных группах браки с подданными стран, находящихся в состоянии войны с Российской империей, также не были редкостью: немецкие австрийские, венгерские военнопленные женились на местных женщинах [4, с. 67].

Хотя мусульмане имели право вступать в брак по достижении женихом 18, а невестой 16 лет [2, с. 188], средний брачный возраст верхнеудинских мусульман довольно высок – от 23 до 40 лет для женихов и 17–35 для невест, что также обычно для региона активной колонизации: молодость уходит на суды, этапы, обустройство на новом месте. Со временем возраст вступления в брак приобретает «параболическую» тенденцию: в

первые годы ведения книг он составляет 30 и 25 лет для женихов и невест соответственно, далее растет, достигнув в годы Первой мировой войны своего максимума. В 1917–1919 гг. возраст новобрачных снова «падает», а число браков начинает расти. Объясняется это, очевидно, приездом сюда в первые годы XX в. переселенцев – людей трудоспособного возраста. В последующем война затрудняет процесс притока населения, перенаправляя людские потоки на обеспечение фронтовых нужд, а к 1917 г. подрастает молодежь, желающая вступить в брак – тем более что в переломные моменты истории (революция, гражданская война) семья становится важным фактором стабильности.

Средняя разница в возрасте между женихом и невестой – около 10 лет. Отмечено всего 4 брака, где невеста была немного старше. Сделать вывод о наличии или отсутствии тенденции заключения брака внутри «своего круга» сложно: основную массу составляли крестьяне, так что внесословные браки скорее говорят о малой возможности выбора, чем о пренебрежении сословными предрассудками. При отсутствии священнослужителя обряд бракосочетания проводил наиболее грамотный мирянин [11, л. 6].

По частоте самостоятельной росписи при регистрации брака мы можем судить об уровне грамотности (на родном языке) членов мусульманской диаспоры. Неграмотных женщин брачного возраста почти в 4 раза больше, чем мужчин (соответственно 37 и 8,8%). Среди свидетелей жениха, подтверждающих перед стороной невесты его состоятельность и способность содержать семью, всего 14% грамотных – это люди старшего возраста. Наиболее высок процент неграмотных среди свидетелей невесты – 65%. Как правило, в этом качестве выступал либо ее отец, либо старший родственник. Среди свидетелей согласия** процент неграмотных был незначителен: для этого приглашали наиболее уважаемых и богатых членов общины, которые отличались сравнительно высоким уровнем образования. В частности, представитель самой влиятельной в городе татарской семьи Фат-

куллиных приглашался на эту роль достаточно часто [11, л. 5, 6].

За указанное время было расторгнуто 8 браков. В графе «причина развода» в большинстве случаев указывалась «отсутствие любви и согласия». В исламе в решении семейных проблем прерогатива отдается мужчине, но, судя по тому, что примерно в трети случаев развода инициаторами были жены [12, л. 8; 13, л. 5, 10; 17, л. 8], можно предположить, что в Сибири женщина была неким довольно дорогим, если не равноправным участником брака. В регионе с заметной нехваткой женщин развод для мужчины был чреват перспективой остаться вообще без жены. В целом по сравнению, например, с иудейской конфессиональной группой, где процент разводов был достаточно высоким [5, с. 155], в мусульманской общине расторгался лишь каждый десятый брак.

Метрические книги дают возможность определить место происхождения мусульман. Вольные ехали в основном из двух губерний: Казанской и Уфимской. Заметны выходцы из Нижегородской, Самарской, Пензенской, Симбирской губерний. Это подтверждает вывод исследователей о том, что основу вольной мусульманской «волны» в Сибири составляли выходцы из Волжско-Уральского региона [1, с. 16]. Однако налицо тенденция роста рождения детей – в сравнении с прибывшими в соответствии с переселенческой политикой государства – у прошедших успешную социализацию и считающихся сибиряками жителей Забайкальской области. Очевидно, основу мусульманской диаспоры города в это время уже стали составлять местные уроженцы.

Сословная структура, к сожалению, остается не до конца выясненной, свое сословное происхождение указали чуть больше половины. Среди них наибольший процент составляют крестьяне – 68%, мещан – 13,8%. В числе крестьян наверняка были ссыльно-поселенцы, отбывшие срок ссылки и приписавшиеся к податному сословию. После отмены сословий за период 1917–1919 гг. свое сословное происхождение «по инерции» указали всего 10 человек. Среди занятий осо-

бенно часто фигурировала торговля, или «коммерция» (в целом по области преимущественная часть мусульман занималась сельскохозяйственным трудом) [19, с. 120, 121]. Купцом – обладателем гильдейского свидетельства – числился только Камедулла Фаткуллин, а торговлю в лавках малого Гостиного Двора вели всего 3 мусульманина [8, л. 17]. Остальные занимались мелкой торговлей – «лоточной» и «вразнос».

На основании анализа метрических записей мы делаем вывод о качественном росте мусульманской диаспоры: если ранее ее костяк составляли ссыльнопоселенцы, то в

начале XX века наблюдается преобладание крестьянской составляющей. Развитие общины начинает в меньшей степени зависеть от «пришлого» элемента и больше опираться на собственный человеческий потенциал. Семья теряет характерные для ислама особенности и ничем уже не отличается от обычной семьи сибиряка.

Метрические книги как источник еще недооценены историками, хотя играют немалую роль в воссоздании общей атмосферы эпохи – ее интонации, нюансов быта, настроения – и позволяют за безликими «субъектами истории» увидеть конкретных людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Все расчеты сделаны автором.

** Члены общины, не являвшиеся родственниками ни жениха, ни невесты, скреплявшие соглашение своими подписями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бобкова Г. И.* История татарских общин Иркутской губернии конца XIX – начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. 23 с.
2. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / составитель Д. Ю. Арапов. М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. 367 с.
3. *Кабузан В. М.* Народы России в первой половине XIX в. М.: Наука, 1992. 214 с.
4. *Кальмина Л. В.* Метрические книги Верхнеудинского польского костела как исторический источник // Польский след в истории и культуре Сибири: мат-лы Межд. научно-практ. конф. «Полонийные чтения-2006». Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. Ч. 1. С. 59–67.
5. *Кальмина Л. В.* Еврейская семья в Восточной Сибири (середина XIX – начало XX в.): опыт историко-демографической характеристики (по материалам метрических книг еврейских общин) // Семья в ракурсе социального знания: сб. научн. ст. Барнаул: изд-во НП «Азбука», 2001. С. 146–158.
6. *Козулин А. В.* Демографические процессы в Забайкалье (конец XIX – начало XX века). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2004. 210 с.
7. НАРБ (Национальный архив Республики Бурятия). Ф. 10. Оп. 1. Д. 2124.
8. НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2208.
9. НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2792а.
10. НАРБ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 1.
11. НАРБ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 3.
12. НАРБ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 4.
13. НАРБ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 5.
14. НАРБ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 6.
15. НАРБ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 7.
16. НАРБ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 8.
17. НАРБ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 9.
18. НАРБ. Ф. 527. Оп. 1. Д. 10.
19. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1904. Т. LXXIV. Забайкальская область.

20. *Перинов В. В.* Уголовный сегмент мусульманской диаспоры Забайкалья: социальный портрет // Исследования молодых ученых. Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2007. Вып. X. С. 49–56.
21. Свод законов Российской империи / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. М.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1903. Кн. 2. Т. IX.
22. *Солдатов В.* Железнодорожные поселки по Забайкальской линии. Статистическое описание и материалы по переписи 1910 года. СПб., 1912. Вып. II. Т. V. Ч. 1. 327 с.
23. *Стейнведел Ч.* Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце имперского периода в России // Российская империя в зарубежной историографии. М.: Новое изд-во, 2005. С. 612–632.

REFERENCES

1. *Bobkova G. I.* Istoriya tatarskikh obshchin Irkutskoy gubernii kontsa XIX – nachala XX v.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk, 2006. 23 s.
2. Islam v Rossiyskoy imperii (zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika) / sostavitel' D. Yu. Arapov. M.: IKTs «Akademkniga», 2001. 367 s.
3. *Kabuzan V. M.* Narody Rossii v pervoy polovine XIX v. M.: Nauka, 1992. 214 s.
4. *Kal'mina L. V.* Metricheskiye knigi Verkhneudinskogo pol'skogo kostela kak istoricheskiy istochnik // Pol'skiy sled v istorii i kulture Sibiri: mat-ly Mezhd. nauchno-prakt. konf. «Poloniynye chteniya-2006». Ulan-Ude: FGOU VPO VSGAKI, 2006. Ch. 1. S. 59–67.
5. *Kal'mina L. V.* Yevreyskaya sem'ya v Vostochnoy Sibiri (seredina XIX – nachalo XX v.): opyt istoriko-demograficheskoy kharakteristiki (po materialam metricheskikh knig yevreyskikh obshchin) // Sem'ya v rakurse sotsial'nogo znaniya: sb. nauchn. st. Barnaul: izd-vo NP «Azбука», 2001. S. 146–158.
6. *Kozulin A. V.* Demograficheskiye protsessy v Zabaykal'ye (konets XIX – nachalo XX veka). Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2004. 210 s.
7. NARB (Natsional'ny arkhiv Respubliki Buryatiya). F. 10. Op. 1. D. 2124.
8. NARB. F. 10. Op. 1. D. 2208.
9. NARB. F. 10. Op. 1. D. 2792a.
10. NARB. F. 527. Op. 1. D. 1.
11. NARB. F. 527. Op. 1. D. 3.
12. NARB. F. 527. Op. 1. D. 4.
13. NARB. F. 527. Op. 1. D. 5.
14. NARB. F. 527. Op. 1. D. 6.
15. NARB. F. 527. Op. 1. D. 7.
16. NARB. F. 527. Op. 1. D. 8.
17. NARB. F. 527. Op. 1. D. 9.
18. NARB. F. 527. Op. 1. D. 10.
19. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii. SPb.: Izdaniye Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD, 1904. T. LXXIV. Zabaykal'skaya oblast'.
20. *Perinov V. V.* Ugolovny segment musul'manskoy diaspory Zabaykal'ya: sotsial'ny portret // Issledovaniya molodykh uchenykh. Ulan-Ude: FGOU VPO VSGAKI, 2007. Vyp. X. S. 49–56.
21. Svod zakonov Rossiyskoy imperii / pod red. I. D. Mordukhay-Boltovskogo. M.: Russkoye knizhnoye tovarishchestvo «Deyatel', 1903. Кн. 2. Т. IX.
22. *Soldatov V.* Zheleznodorozhnye poselki po Zabaykal'skoy linii. Statisticheskoye opisaniye i materialy po perepisi 1910 goda. SPb., 1912. Vyp. II. Т. V. Ч. 1. 327 с.
23. *Steynvedel Ch.* Sozdaniye sotsial'nykh grupp i opredeleniye sotsial'nogo statusa individuuma: identifikatsiya po sosloviyu, veroispovedaniyu i natsional'nosti v kontse imperskogo perioda v Rossii // Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. M.: Novoye izd-vo, 2005. S. 612–632.